

## Оглавление

В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность

О лиризме наших поэтов

Предметы для лирического поэта в нынешнее время

О поэзии Козлова

Борис Годунов. Поэма Пушкина

Несколько слов о Пушкине

О малороссийских песнях

О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности

Учебная книга словесности для русского юношества

Об Одиссее, переводимой Жуковским

О том, что такое слово

В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность (отрывок)

Несмотря на внешние признаки подражания, в нашей поэзии есть очень много своего. Самородный ключ ее уже бил в груди народа тогда, как самое имя еще не было ни на чьих устах. Струи его пробиваются в наших песнях, в которых мало привязанности к жизни и ее предметам, но много привязанности к какому-то безграничному разгулу, к стремлению как бы унести куда-то вместе с звуками. Струи его пробиваются в пословицах наших, в которых видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимает насквозь природу русского человека, задирая за все ее живое. Струи его пробиваются, наконец, в самом лове церковных пастырей -- слове простом, некрасноречивом, но замечательном по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую определено взойти христианину, по стремлению направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило для нашей поэзии какое-то другим народам неведомое, своеобразное и самобытное развитие. Но не из сих трех источников, уже в нас пребывавших, ведет начало наша сладкозвучная поэзия, ныне нас улаждающая; так же, как и строение нынешнего нашего гражданского порядка произошло не из начал, уже пребывавших прежде в земле нашей. Гражданское строение наше произошло также не правильным, постепенным ходом событий, не медленно-рассудительным введением европейских обычаев, -- которое было бы уже невозможно по той причине, что уже слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил, -- гражданское строение наше произошло от потрясения, от того богатырского потрясения всего государства, которое произвел царь-преобразователь, когда воля бога вложила ему мысль ввести молодой народ свои в круг европейских государств и вдруг познакомить его со всем, что ни добыла себе Европа долгими годами кровавых борений и страданий. Крутой поворот был нужен русскому народу, и европейское просвещение было огниво, которым следовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массе. Огниво не сообщает огня кремню, но покамест им не ударишь, не издаст камень огня. Огонь излетел вдруг из народа. Огонь этот был восторг, восторг от пробуждения, восторг вначале безотчетный: никто еще не услышал, что он пробудился затем, чтобы с помощью европейского света рассмотреть поглубже самого себя, а не копировать Европу; все только

услышало, что он пробудился. Уже самый этот крутой поворот всего государства, произведенный одним человеком, -- и притом самим царем, который великодушно отказался на время от царского звания своего, решился изведать сам всякое ремесло и с топором в руке стать передовым во всяком деле, дабы не произошло никаких беспорядков, следующих при малейшем изменении государственных форм, -- был делом, достойным восторга. Переворот, который обыкновенно на несколько лет обливает кровью потрясенное государство, если производится Кореньями внутренних партий, был произведен в виду всей Европы, в таком порядке, как блистательный маневр хорошо выученного войска. Россия вдруг облеклась в государственное величие, заговорила громами и блеснула отблеском европейских наук. Все в молодом государстве пришло в восторг, издавши тот крик изумленья, который издает дикарь при виде навезенных блестящих сокровищ. Восторг этот отразила поэзия с первого стихотворения, появившегося в печати, приняла у нас торжествующее выражение, стремясь высказать в одно и то же время восхищение от света, внесенного в Россию, изумление от великого поприща, ей предстоящего, и благодарность царям, того виновникам. С этих пор стремление к свету стало нашим элементом, шестым чувством русского человека, и оно-то дало ход нашей нынешней поэзии, внося новое, светоносное начало, которого не видно было ни в одном из тех трех источников ее, о которых упомянуто вначале.

Что такое Ломоносов, если рассмотреть его строго? Восторженный юноша, которого манит свет наук да поприще, ожидающее впереди. Случаем попал он в поэты: восторг от нашей новой победы заставил его набросать первую оду. Впопыхах занял он у соседей немцев размер и форму, какие у них на ту пору случались, не рассмотрев, приличны ли они русской речи. Нет и следов творчества в его риторически составленных одах, но восторг уже слышен в них повсюду, где ни прикоснется он к чему-нибудь, близкому науколюбивой его душе. Коснулся он северного сияния, бывшего предметом его ученых исследований, -- и плодом этого прикосновения была ода "Вечернее размышление о божием величестве", вся величественная от начала до конца, которой никому не написать, кроме Ломоносова. Те же причины породили известное послание к Шувалову "О пользе стекла". Всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую глядит он под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной. Среди холодных строф польются вдруг у него такие строфы, что не знаешь сам, где ты находишься. Точно как бы, выражаясь его же словами:

Божественный пророк Давид Священными шумит струнами,

И бога полными устами

Исайя восхищен гремит.

Всю русскую землю озирает он от края до края с какой-то светлой вышины, любясь и не налюбясь ее беспредельностью и девственной природой. В описаниях слышен взгляд скорей ученого натуралиста, чем поэта, но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта. Изумительный всего то, что, заключа стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка: язык у него движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в нестесненных берегах. Он у него свободнее и лучше в стихах, чем в прозе, и недаром Ломоносова называют отцом нашей стихотворной речи. Изумительно то, что начинатель уже явился господином и законодателем языка. Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия -- начинающийся рассвет. Она у него, подобно вспыхивающей зарнице, освещает не все, но только некоторые строфы. Сама Россия является у него только в общих географических очертаниях. Он как бы заботится только о том, чтобы

набросать один очерк громадного государства, наметить точками и линиями его границы, предоставив другим наложить краски; он сам как бы первоначальный, пророческий набросок того, что впереди.

С руки Ломоносова оды вошли в обычай. Торжество, победа, тезоименитство, даже иллюминация и фейерверк стали предметом од. Слагатели их выразили только бездарную прыть наместо восторга. Исключить из них можно одного Петрова, не чуждого силы и стихотворного огня: он был действительно поэт, несмотря на жестокий и черствыми стих свой. Все прочие напомнили только риторически-холодный склад ломоносовских од и показали наместо благозвучия ломоносовского языка трескотню и беспорядок слов, терзающий ухо. Но огниво уже ударило по кремню; поэзия уже вспыхнула: еще не успел отнести руку от лиры Ломоносов, как уже заводил первые песни Державин...

Об авторе

Николай Васильевич ГОГОЛЬ (1809--1852)

Великий русский писатель, драматург, критик, публицист. Родился в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии, в семье помещика. Учился в Нежинской гимназии высших наук (1821--1828), где проявились его интерес к литературе и незаурядный актерский талант. В 1828 г. приехал в Петербург, где поменял несколько мест службы, пробовал преподавать историю (в 1834 г. был назначен на должность адъюнкта по кафедре истории в Петербургском университете), но постепенно литературная деятельность вытеснила все другие его занятия. В 1831 г. состоялось его знакомство с А.С.Пушкиным, сыгравшим важную роль в формировании Гоголя как писателя. В 1836 г. уехал за границу; жил в основном в Риме, где работал над главным своим произведением -- романом-поэмой "Мертвые души". В 1848 г. вернулся в Россию, пытался продолжать работу над "Мертвыми душами", но в ночь на 12 февраля 1852 г., находясь в болезненном состоянии, сжег рукопись 2-го тома романа.

Литературную известность Н.В.Гоголю принесли "Вечера на хуторе близ Диканьки" (1831--1832). В 1835 г. вышли сборники рассказов "Арабески" и "Миргород"; в том же году В.Г.Белинский назвал Гоголя "главою литературы, главою поэтов". Вершиной творчества Гоголя-драматурга явилась пьеса "Ревизор", вышедшая в свет и одновременно поставленная на сцене в 1836 г. Сатирическая сила этого произведения была такова, что автор навлек на себя ожесточенные нападки реакционных кругов. Еще более сильный общественный резонанс, чем "Ревизор", вызвал 1-й том романа-поэмы "Мертвые души" (1842). Огромный интерес представляют работы Гоголя-критика -- не было ни одного имени в русской литературе того времени, на которое он так или иначе не откликнулся, что нашло отражение как в его литературных произведениях, так и в письмах и статьях.